
МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ В ИОРДАНСКОМ РОМАНЕ*

Н.Б. Ковыршина

Кафедра иностранных языков
Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются вопросы становления и развития «мифологического» романа в литературе Иордании. Мифологизация действительности стала инструментом структурирования повествования, расширила социально-исторические и пространственно-временные рамки этого жанра.

Современный концептуальный синтез иорданской литературы сказался в реальном совмещении национального как условия появления образования «иорданская литература», так и общеарабского и общемирового начал. Эта синтетическая общность подготовила рождение национальной иорданской прозы в ее основных жанрах — новеллистике, а затем (середина XX в.) романе в реальном многообразии его форм.

Основы формирования прозаических жанров в литературе Иордании многослойны. Это и традиция общеарабского фольклорного и литературного наследия, и требующая обращения к современности и новым формам публицистика, с которой неразрывно была связана деятельность иорданских писателей уже с начала 20-х гг. XX в., а затем и осваиваемый с того же периода художественный опыт западно-европейской и русской литератур.

В своем стремлении постичь национальные бытийные универсалии и осмыслить через них «общее состояние мира» зачинатели иорданской литературы, палестинские и иорданские просветители, обращаются часто к мифологическим формам: мифу, легенде, притче как универсальной прамодели бытия, включающей в себя единичное и всеобщее, сиюминутное и вечное. Более того, обращение к мифологическим и фольклорным формам в дальнейшем получит свое развитие и в подвидах романного жанра.

В первой половине XX в. Искандер ал-Хури ал-Битиджали (1890—1973), Халиль Бейдас (1875—1949), Мухаммад Субхи Абу Ганима (1902—1970) и другие основоположники иорданской прозы разрабатывали новый жанр аллегорической новеллы, что в последствии послужило основой для формирования «мифологического» романа в иорданской литературе.

В 1955 г. появляется роман «Марс укрощает свое чрево» («Марис йухрику миадатаху») известного иорданского прозаика Исы ан-Наури (1918—1985), в котором писатель использует прием, широко распространенный в просветитель-

* Данная статья написана в рамках реализации Инновационной образовательной программы РУДН «Создание комплекса инновационных образовательных программ и формирование инновационной образовательной среды, позволяющих эффективно реализовывать государственные интересы РФ через систему экспорта образовательных услуг».

ской литературе Европы, — перенесение действия на иную национальную почву. Но если европейские писатели, выражая свое отношение к современности, условно переносили действие на Восток, то у Исы ан-Наури подобный прием (действие романа развертывается в Италии) использован для утверждения всеобщности проблемы войны и мира, ее значимости для народов всех континентов. Писатель, разумеется, не первым коснулся этой проблемы. Однако арабская литературная традиция с ее поэтической символикой сплелись в творчестве Исы ан-Наури с новаторскими приемами современной мировой литературы. Он смело вводит сказочный, мифологический элемент в свое повествование. Основная направленность действия романа — заставить Марса, бога войны Древнего Рима, раскаяться в развязывании войны и убедить его уничтожить доспехи и оружие. Сознательно отбирая инациональный (европейский) материал, используя мифологические образы из «международного арсенала» в качестве «интернационального поэтического языка», по выражению Г.Д. Гачева [1. С. 200—202], Иса ан-Наури не только подчиняет их общенациональным интересам, но и пытается таким образом выйти за «рамки национального провинциализма», поднять иорданскую литературу до уровня европейской.

В центре повествования — романтическая любовь Антония и Луны, молодых людей из деревни Мания, за счастьем которых заботливо наблюдают Венера и Осирис. Как известно, в римской мифологии богиня любви Венера была первоначально богиней садов. Примечательно, что Иса ан-Наури отказывается от отождествляющихся с ней на Востоке богинь Исиды (в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности, семейной верности [3. С. 568]) и Астарты (в западно-семитской мифологии олицетворение планеты Венера, богиня любви и плодородия [3. С. 115]). Кроме того, основные повествования об Исиде тесно переплетены с мифом об Осирисе, которого автор вводит в свой роман. Подчеркнем, что Осирис в древнеегипетской мифологии был богом производительных сил природы, а в греко-римскую эпоху культ Осириса получил широкое распространение в Европе [3. С. 261]. Нам представляется, что мифологический сюжет, участие богов, которым поклоняются разные народы, в судьбах людей призвано показать общность проблем западного и восточного миров, взаимосвязь их культурных традиций, прежде всего, в центральном вопросе, особенно актуальном и для послевоенной Европы, и для арабов конца 40-х годов, оказавшихся в условиях военного конфликта с Израилем. Можно сказать, что мифологические параллели и образы у Исы ан-Наури подчеркивают «неизбывную повторяемость одних и тех же неразрешимых коллизий, метафизическое кружение на одном месте личной и общественной жизни, самого мирового исторического процесса» [4. С. 297].

В романе «Марс укрощает свое чрево» боги благословляют предстоящую свадьбу, оберегают мирную жизнь людей, славящихся своим трудолюбием. По соседству с деревней Мания, живущей радостным ожиданием предстоящей свадьбы, находится другая, Джуна, жители которой не возделывают землю, не хотят трудиться, заниматься торговлей: они нападают на караваны и грабят их или идут в услужение к аристократам Рима. В последовательное изложение событий, рас-

крывающих причины давней вражды между соседями, вызванной завистью жителей деревни Джуна к богатым и счастливым соседям, динамично вплетается контрастное описание жизни города. Здесь автор прибегает к известному у арабов жанру путешествий (рихла), который обретает новую жизнь в русле просветительской традиции и получает распространение в новой арабской литературе середины XIX в. (роман «Алам ад-дин» (1882) египтянина Али Мубарака (1823—1893) и другие романы арабских писателей просветителей). Этот жанр позволял писателям дать в своих произведениях множество полезных для читателя сведений образовательного и воспитательного характера.

Поездка молодых в Рим незадолго до свадьбы дает возможность Исе ан-Наури бросить критический взгляд на безрадостное существование бедноты в «вечном городе», где «раб борется за свою жизнь до самой смерти» [7. С. 74]. Рим — город, «лишенный души и сердца, в котором «благородных» носят в паланкинах рабы [7. С. 74]. В Риме царят богатство и разврат. «Позор, что среди дворцов Рима, развращающего умы людей своей роскошью и леностью, обездоленный живет в таких тяжелых условиях», — восклицают герои и автор, активно вторгающийся в диалоги персонажей. И далее: «если бы правительство Рима состояло из народных представителей, а не из господ, то развлечения бы обложили налогами, а вырученные деньги раздали нищим» [7. С. 86]. Насыщая роман всевозможными приключениями, зрелищными событиями, участниками которых становятся герои, Иса ан-Наури как бы хочет придать сюжету некоторую авантюренность. Бои гладиаторов, театры, бани, рынок рабов, архитектурные памятники и скульптуры — все это видят герои, путешествуя по городу в сопровождении Фладиуса, тайно влюбленного в красавицу-невесту героя и лелеющего надежду расстроить ее свадьбу. Обилие событий, удивительное стечение обстоятельств, неожиданные развязки придают особый динамизм повествованию. Вместе с тем в любовной линии романа нет психологических осложнений, герои преодолевают лишь внешние препятствия, сердца их давно отданы друг другу. Выдержав испытание, отстояв свою любовь, молодые благополучно возвращаются домой, охваченные желанием бескорыстной помощи соседям, для чего основывают «Общество друзей земли».

Просветительские идеи вселенской любви и сострадания, отказа от насилия провозглашаются Исой ан-Наури на фоне последующих реалистических описаний вооруженных столкновений и гибели людей, происшедших во время свадебной церемонии. Воздействие на читателя усиливается грозным предзнаменованием грядущих испытаний, которое автор дает в символической картине плачущих каменных статуй Венеры и Осириса накануне бракосочетания молодых героев. Людям не помогло заступничество покровителей-богов, Марс нападает на мирную деревню Манийя, сея вокруг смерть и разруху. Люди вспоминают мудрость предков — «если это необходимо, то на зло надо отвечать злом. Защищать себя, своих родных — это священный долг. Пусть боги поступают, как им заблагорассудится, но Манийя проявит героизм в борьбе против врагов» [7. С. 119—120]. Таким образом, Иса ан-Наури использует мифологические мотивы, символизирующие национальное самосознание, и обосновывает необходимость освободительной вой-

ны, подчеркивает ее законность. Во время сопротивления главный герой, Антоний, ранен, а Венере с трудом удалось убедить Марса прекратить войну. Страшная картина гибели мирных людей заставляет бога раскаяться и искупить свою вину. Бог войны становится простым крестьянином, который выступает с предложениями уладить военный конфликт. Возвращается мирная жизнь в деревню, труд и любовь превращают землю в цветущий сад. Таково символическое воплощение авторской идеи через контрастные картины войны и мира, прославление борьбы во имя спасения родины.

Построение романа на мифологической основе позволяет писателю свободно трактовать традиционные сюжеты применительно к авторскому идейному замыслу — он творит новый миф. Это сближает произведение с лучшими образцами просветительской разновидности реализма в иорданской прозе. Вера в возможность пересоздать общественное бытие таким образом, что в нем не будет противоречий и конфликтов, сочетаются у писателя с представлением о том, что главным препятствием к такой перестройке являются не конкретные социальные силы, а отсталость, леность, суеверия, невежество. Все это сближает роман «Марс укрощает свое чрево» с жанром утопии.

Символику романа «Марс укрощает свое чрево» Иса ан-Наури определяет так: «сначала название, потом содержание» [7. С. 9]. Талантливый писатель выступает как художник-романтик, создающий образ идеального мира, и, обращаясь к мифологическим образам и мотивам, доносит до читателя свое неприятие отрицаемой им действительности, призывает к победе над враждой, проповедуя простые, но возвышенные предпосылки прекрасного человеческого сосуществования — справедливость и благородство, великодушие и истинную любовь.

К мифологическому и сказочному материалу Иса ан-Наури обращается и в своем новеллистическом творчестве, что подтверждает, например, его новелла «Почему пересох источник?» («Лимаза джафат ал-айн» 1967). В основу ее сюжета положена легенда о любви феи источника к деревенскому юноше по имени Дахил Аллах (*букв.* вошедший к Аллаху), который своим отказом жениться на фее стал невольным виновником несчастий жителей деревни. Источник — символ жизни, богатства, благополучия — пересох, земле и животным стало нехватать воды, а люди, прежде веселые и счастливые, превратились в угрюмых и молчаливых. Чтобы спасти жителей деревни от жажды и голода, Дахил Аллах отказывается от любимой девушки и уходит к фее источника, жертвуя собой ради счастья людей. И основная идея новеллы, и многие мотивы, организующие ее сюжет, роднят ее с известной пьесой турецкого писателя Назыма Хикмета «Легенда о любви» (1945), предлагающей новое прочтение широко известной на Ближнем и Среднем Востоке историю любви Ферхада и Ширин.

Взросший со второй половины XX в. интерес иорданских писателей к легендарной и исторической тематике во многом связан с усиливающимся в системе образования и культуры Иордании вниманием к поддержанию и сохранению традиционного национального культурного наследия, его изучению в Амманском и Ярмукском университетах, деятельности издательства, специализирующегося на историко-культурных памятниках, изданию этнографических, фольклорных и других материалов.

Легендарная и историческая тематика, используемая писателями, часто перекликается с современностью. Этот аспект обращения к прошлому, который характерен, например, для творчества таких египетских писателей, как Нагиб Махфуз, Гамал ал-Гитани, в иорданской литературе мы встречаем в романе Абд ал-Хамида ал-Иншаси «Слава, увековеченная в камне» («Ал-Маджд ал-манхут» 1980), посвященном истории знаменитой Петры — «города в скалах».

В романе древняя история набатеев и события современности тесно переплетаются между собой, в нем действуют и исторические, и вымышленные герои, причем, по справедливому мнению ал-Карки, это переплетение «фактов истории и вымысла» сделано художественно умело [9. С. 139]. В романе звучит призыв с уважением относиться к старине, памятникам прошлого и, в частности, памятникам архитектуры. Возводя новый город, не следует уничтожать его историческую память, а бережно сохранять старину.

В романе ал-Иншаси два главных героя — Арва и Шабиб. Один из них скульптор, другой — архитектор. Получив высшее образование в Сирии, они возвращаются в родной город. Герои мечтают украсить город новыми архитектурными сооружениями, сохранив при этом «дух истории и культурные традиции предков». Восстановление памятников старины видится им настоящим высоким искусством — рождение нового должно опираться на культурный фундамент традиций прошлого. В связи с этим в романе большое место отведено истории эпохи набатеев, искусству этой эпохи, городу Петре. В разговорах и спорах героев об искусстве затрагиваются проблемы нравственного начала — художник должен оставить свой след в искусстве, настоящее искусство бессмертно и никогда не должно превращаться в «доходное дело». Однако талант не всегда может полностью выразить себя по самым разным причинам — и субъективного, и объективного характера, что и реализуется в романе на примере судеб его героев. Шабиб, который строит дом мэру города, счастлив в браке с образованной и умной Лейлой, но больное сердце героя становится непреодолимым препятствием в его стремлении осуществить свои высокие замыслы, «оставить о себе память в искусстве». Арва успешно восстанавливает старый храм, но также не может реализовать свои творческие планы из-за постоянно растущих требований жены Сальмы, любящей деньги и положение в обществе. «Все существо индивида, — заключает ал-Карки, — пронизывают противоречия между высокими устремлениями и влиянием объективной реальности» [9. С. 140].

Неразрывная, вечно живая связь истории и современности, и противоречия между творческим замыслом и его осуществлением, которые ставит жизнь, — основные идейные установки романа ал-Иншаси, откликнувшегося их художественным раскрытием на актуальные проблемы современной ему иорданской действительности.

Новым завоеванием иорданской прозы конца 1970-х гг. явилась философская повесть Фаиза Махмуда «Идиот» («Ал-Аблах» 1979), которая стала закономерным продолжением в иорданской литературе первых философских новелл Х. Бейдаса, аллегорических сказок И.М. ал-Хусейни, А. Аббаса, новелл и романа «Марс укрощает свое чрево» И. ан-Наури, где разрабатывались иносказательные

повествовательные приемы с использованием мифа и легенды. Эти произведения можно считать своего рода подступами к созданию жанра философского романа в Иордании. Автор использует притчевую форму. За причудливым сюжетом прописывается реальный фон — социально-исторические события жизни Иордании, разобщенность людей в современном иорданском обществе, душевное смятение личности в условиях сложной политической ситуации на Ближнем Востоке. Непосредственному изложению событий предшествует авторское «Посвящение» («Ал-Ихда»). В «Посвящении», где говорится, что писатель дарит повесть своей подруге Carole Dean, — Ф. Махмуд конкретизирует основную идею своего произведения исходя из определения Ф.М. Достоевским замысла своего романа «Идиот»: «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека... Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос» [6. С. 203]. Фаиз Махмуд так пишет о собственном романе: «Я дарю тебе, подруга, эту книгу, наполненную моими собственными представлениями о красоте и разуме, стремясь укрепить навечно положительно прекрасное в человеке, в чем бы ни упрекали его» [12. С. 3].

Идейная переключка русского и арабского романов неслучайна. Фаиза Махмуда, как и Ф.М. Достоевского, волнуют общественные проблемы с точки зрения моральных устоев личности, причины утраты человеком нравственных принципов. Как известно, находясь под впечатлением от картины Г. Гольбейна-младшего «Мертвый Христос в гробу», поставившей под сомнение Преображение и Богосыновство Христа, Достоевский в романе «Идиот» выступает против провозглашаемой художником идеи «смерти как сути земного бытия». Русскому писателю ближе мысли о прозрении и спасении человека. Это характерно и для повести Ф. Махмуда. Иорданский писатель осознает необходимость утверждения новых нравственных норм, которые встряхнули бы арабское общество, избавив его от апатии, лености, косности, инертности. В сложившейся ситуации, когда на первый план выдвинулись проблемы «модернизации» общества, наведения «порядка» в различных областях общественного сознания, автор предпринимает попытки выдвинуть целостную философскую концепцию в соответствии с конкретными политическими и общественными условиями Иордании. При этом в богатом культурном наследии арабов Ф. Махмуд выбирает «положительные факторы», имеющие национальную ценность, и соединяет их с общечеловеческими идеалами, присущими человеку сегодняшнего дня. На фоне негативных политических процессов, совершающихся в странах Ближнего Востока, писатель стремится противопоставить злу новые силы, вернувшись к уже отработанным арабской литературой традиционным путям спасения общества.

Основной замысел повести — изложение постепенного пробуждения человеческой личности, ее нравственных исканий, освобождения от пороков — раскрыт автором в традиционном для арабской литературы представлении, в образном преломлении «пути к свету». В поисках этого пути преобразования человека в более совершенную личность, а затем духовного преобразования общества в целом, Ф. Махмуд приходит к утверждению красоты человеческой души, ее стрем-

ления к добру и всеобщему благу. Согласно его утверждению, «некрасивость земного — брэнное тело, а в духовном средоточии нет ни боли, ни ужаса, ни безобразия, здесь воплощается красота» [12. С. 15]. Таким образом, Фаиз Махмуд исходит из идеи многообразия природных и нравственно-психологических проявлений человека, который представляется ему в органической целостности души и тела, причем душа не подвержена уничтожению, рождается и умирает лишь тело. Поэтому главным в структуре личности Ф. Махмуд объявляет именно духовное начало, «дух».

При определении смысла и цели жизни Ф. Махмуд исходит из идеи «просветления» души, освобождения от уз традиций.

В условиях постоянной нестабильности на Ближнем Востоке проблемы жизни и смерти, общего и индивидуального спасения не могут не волновать творческую интеллигенцию Иордании. Фаиз Махмуд ищет решение сложных проблем современной действительности в обращении к миру личностного бытия. В повести два главных героя: юноша Аблах и девушка Вафа. Встреча в муниципальной библиотеке явилась началом возникновения взаимной симпатии между молодыми людьми, превратившейся затем в более глубокое чувство благодаря «родству их душ». Утверждая, что «мир — мрак, тьма» [12. С. 12], писатель рассматривал встречу героев как единственный путь спасения в этом мраке. Эта встреча неожиданна для героев, отсюда название первой части начальной главы — «Случайность» («Зат ас-судфа»). По представлению Ф. Махмуда, окружающий мир столь жестко сконструирован, столь плотен и монолитен, что для решения спорных вопросов, касающихся судьбы отдельной личности, надлежит ждать случая, такого стечения обстоятельств, которое открывал бы простор для целенаправленного действия.

Пытаясь понять судьбу простого человека, надежды и поступки которого являются единицей измерения всех философских, нравственных, духовных ценностей общества, Ф. Махмуд осваивает исторический и художественный опыт своего народа, прибегая к жанру притчи. Обращение к арабскому наследию, к преданию, как художественной форме выражения мучающих героя (Аблеха) и самого автора идей является, на наш взгляд, явлением закономерным, так как «смысл жизни» проясняется для персонажей повести постепенно, в начале произведения писатель еще не открывает его. Согласно притче, которую автор вводит в повествование, героям только вместе суждено познать «мудрость видения». При этом притча представляет собой развернутое живое повествовательное вкрапление, являющееся не только поучением, поданным в форме увлекательного рассказа о жителях «города смерти», обреченного на уничтожение от непонятной болезни, но прежде всего философским утверждением зависимости человеческой судьбы от окружающего мира, о необходимости нравственной связи человека с миром. Ф. Махмуд через призму предания пытается показать людей арабского общества и его порядки, выявить причины появления сложных, мучительных проблем, с которыми его современники сталкиваются в повседневности.

Автор выступает в повести в роли сказителя — рави: «Случилось это давным-давно. С каждым восходом солнца в великом городе было множество мерт-

вых тел, вид которых повергал людей в растерянность, а врачи были не в силах вылечить людей» [12. С. 14]. Художественный вымысел, который Ф. Махмуд вводит в свой роман, помогает ему подать события таким образом, чтобы через аллгорию ярче передавалась правда жизни. Социально-идеологические императивы, содержащиеся в народном сказании, подкрепляются их «увязкой» с рациональным опытом, с повседневностью. Чем бесчеловечнее окружающий человека мир, тем сильнее тоска по идеалу, и тем более велик долг художника «найти в человеке человека», показать реалистически не только господствующие в мире уродства и хаос, но и скрытый в человеческой душе порыв к идеалу, стремление к «восстановлению погибшего человека», задавленного гнетом обстоятельств. Путь к избавлению от неизлечимой болезни жителям указывает чужой человек, явившийся чудесным образом неизвестно откуда и так же бесследно исчезнувший после предсказания: «Три дня вам идти, устремив взоры к пылающему солнцу, его жар очистит ваши сердца от скопившегося там пепла. Тьма сомкнется над вашими головами, и светящаяся точка рассеет мрак, а ваши души пеплом поднимутся к небу» [12. С. 14]. Большинство слушателей не поверили словам рассказчика, предав их забвению. Только трое юношей и три девушки отнеслись со вниманием к человеку-призраку. Они избрали путь познания жизни, полагая, что «тот, кто идет вперед, познает мудрость и вечную любовь». Ф. Махмуд истолковывает притчу в суфийских традициях — героям следует идти путем, ведущим к высшему знанию о бытии и к духовному совершенству; героев сопровождает некий абстрактный образ (таиф), выступающий в роли суфийского наставника — шейха. В конце пути путников ожидает «раскрытие горизонтов» (кашф ал-уфук) и «открытие бытия» (фатх ал-вуджуд). Прибегая к притче как назиданию, поучительному примеру, писатель использовал ее жанровые возможности, наполнил ее современным содержанием, превратил свое произведение в некий эксперимент. Притча подчеркивает, усиливает нравственно-философскую концепцию повести, заключенную в утверждении высоких душевных порывов, которым должен следовать человек в жизни.

В этих романах иорданских писателей проявляются определяющие черты национальной романной прозы, закрепляющие за ней определенное устойчивое литературное пространство. Уже на этом этапе развития иорданского романа можно говорить о попытках создания разных уровней романной формы, определяющих поджанровую специфику общего жанра, во внутренних структурах которого рождаются элементы философского, мифологического и психологического романов.

Совмещение принципов реалистического изображения и условно-сказового подчас приводит к смещению в романном стиле иорданских писателей временных и пространственных связей — наряду с линейными сюжетно-композиционными формами появляются дискретные, что обуславливает тенденцию сюжетно-композиционной инверсии, когда реальное (действительность) и ирреальное (миф и пространство «подсознания» внутреннего мира героя) сосуществуют и постигаются одно через другое. Метафоризация действительности позволяет писателям Иор-

дании быть более свободными в выборе как художественных форм синтеза реального и ирреального, так и различных взаимоотношений в эстетической структуре «автор-герой». Мифологизм, суфийская символика сосуществуют в рамках иорданской прозы с элементами психологизма, что способствует воссозданию «синкретических» структур изображения действительности: условное совмещение времени и пространства, бинарность сознания героев, фантастика, внесюжетные элементы — вкрапления, подтекстовые ассоциации и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы. — М., 1964.
- [2] Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия. — М., 1999.
- [3] Мифы народов мира. Т. 1, 2. — М., 1980.
- [4] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М., 2000.
- [5] Кузьмичёв И.К. Введение в общее литературоведение XXI века. — Нижний Новгород, 2001.
- [6] Энциклопедия литературных произведений. — М., 1998.
- [7] *Ан-Наури Иса*. Марс укрощает свое чрево. (Марис йухрику миадатах). — Каир, 1955.
- [8] *Ан-Наури Иса*. Новые рассказы. (Хикайа джадида). — Амман, 1974.
- [9] *Ал-Карки Халид*. Роман в Иордании. (Ар-Ривайа фи ал-Урдунн). — Амман, 1986.
- [10] *Китами Самир*. Литературное движение на востоке Иордании. (ал-Харака ал-адабийя фи шарк ал-Урдунн). — Амман, 1981.
- [11] *Ал-Иншаси Абд ал-Хамид*. Изваянная в камне слава. (ал-Маджд ал-Манхут). — Амман 1980.
- [12] *Махмуд Фауз*. Идиот. (Ал-Аблах). — Амман, 1979.

MYTH AND REALITY IN JORDAN NOVEL

N.B. Kovyrshina

Foreign languages department
Russian people's friendship university
Mikluho-Maklai str., 6, Moscow, Russia, 117198

The questions of «myth» roman's establishment and development in Jordan literature are under consideration in this article. Mythologisation of reality became an instrument of narrative structuring, it spread social-historical and extensional-temporal frames of this genre.